

После того как отшумели свадьбы в домах Ань и У, княгиня Цзинь, Цзян Мэню, повадилась навещать в поместье Ци. Среди слуг поползли слухи, будто её высочество, женив наконец молодого господина У, теперь спать и видит, как бы пристроить собственного брата. Поговаривали, что она твёрдо вознамерилась ещё до исхода года обручить старшего молодого господина, Ци Фэнцзю, с молодым господином Цзяном.

— И куда только торопятся? — Шуйфэнь, бледная как смерть, яростно терзала в руках шёлковый платок. На лице её застыла злая, горькая гримаса. Скривив губы, она процедила: — Того, уянского мальчишку У, в постели с любовником застукали, вот и пристроили поскорее с глаз долой. Неужто и братец княгини такой же потаскун? Да и чему удивляться: яблоко от яблони недалеко падает. Каков друг, таков и досуг — у бесстыдника и приятели бесстыжие!

— Тьфу на тебя! — в сердцах сплюнула Яньчжи. — Ну и помой у тебя изо рта льются! Чем языком впустую чесать, лучше бы поднялась да помогла мне, работы невпроворот, с ног валюсь!

— Да какая теперь работа? Жизнь моя кончена! — Шуйфэнь рухнула лицом на стол, содрогаясь в безудержных рыданиях.

Она давно и безнадёжно сохла по старшему молодому господину. Пусть Шуйфэнь и понимала, что ей, простой служанке, не чета такой знатный господин, мысль о том, что он достанется кому-то другому, жгла ей сердце калёным железом. К тому же, если Ци Фэнцзю возьмёт в супруги столь высокородного гёера, как Цзян Мэнчжэнь, в ближайшие года три о наложницах в доме и речи быть не может. А там и её собственный век уйдёт — выдадут замуж за какого-нибудь безродного слугу, и прощай мечта выбиться в тётушки-наложницы.

— Полно тебе, голубушка, грезить наяву, — нетерпеливо толкнула её в плечо Яньчжи. — Очнись, на улице жаровня не топлена, чайник не согрет. Вернётся тётушка-наложница Чжоу, а горячего питья нет — опять всех собак на нас спустит! Да и с кем ты ровняешься вздумала? Ни знатности у тебя, ни приданого, ни лица путного. К чему этот яд лить? Глупо ведь, ни к чему не пришей кобыле хвост.

— Будто ты его видела! — вскинулась та, утирая слёзы. — С чего взяла, что он писанный красавец? Чем это я дурна собой?

Яньчжи давно претила спесь товарки, которая мнила себя первой красавицей из-за смазливого личика. Не удержавшись, она ядовито усмехнулась:

— Была б ты краше всех, старший молодой господин давно бы забрал тебя к себе в покои да пылинки сдувал. Я молодого господина Цзяна не видела, врать не стану, зато видела его старшую служанку, Биянь, когда та приносила нам нашейную гривну. С виду — чистая барышня из благородного дома, осанка царственная, лик ясный, тебе до неё как до луны пешком! А малютка Чжухэнь, что к нашему второму молодому господину прибегает поиграть? Мал ещё, а уже видно — расцветёт так, что глаз не отведёшь. Коли прислуга у них столь хороша, представь, каков сам господин! Разве может хозяин уступать собственным слугам? Ты

только пред нами нос дерёшь, а того не ведаешь, что над каждым небом есть ещё небо. И откуда в тебе столько дури?

— Да что ты понимаешь! Завидуешь мне, вот и всё! — закричала раззадоренная Шуйфэнь, наступая на подругу. — Я слыхала, в этих княжеских да маркизских поместьях гэерам с малых лет выбирают смазливых слуг для будущего ложа. Растят их вместе, а как сыграют свадьбу, увозят в дом мужа, дабы те ублажали зятя и удерживали его от походов по весёлым кварталам. Все эти Чжухэни да Бияни — обычные подстилки, рождённые ласкать чужую постель. Понятно, отчего рожи у них гладкие!

— Ну, так старшему молодому господину тем более стоит взять молодого господина Цзяна! — расхохоталась Яньчжи. — Получит разом и хозяина, и этих твоих Чжухэней с Биянями в придачу. Всяко лучше, чем с тобой возиться!

Шуйфэнь аж подпрыгнула на месте, окончательно потеряв голову от злости.

— Да неужто в этой семье Цзян гэеры настолько залежались, что их сбыть никому не могут?! Сюда навязываются, бесстыжие! Сам-то небось урод невиданный, раз на людях показаться боится, вот и тащит за собой двух похотливых тварей, чтобы нашему барину глаза застит! Наш старший молодой господин — благородный, начитанный человек, а его, точно кобеля, заманивают эти грязные, дешёвые блудницы со своим недоноском-хозяином!..

— Ты на кого пасть разинула, тварь?! — раздался яростный рёв.

Полог взлетел кверху. В комнату вихрем ворвался Ци Хэли. Не помня себя от ярости, он с размаху пнул Шуйфэнь пониже рёбер, так что та с хрипом отлетела к стене. Прежде чем служанка успела опомниться, он коршуном навис над ней и мёртвой хваткой вцепился ей в горло. Тело его колотила крупная дрожь.

— Как ты смеешь... как твоя поганая пасть вообще смеет произносить его имя?! — прохрипел он сквозь стиснутые зубы.

Цзян Мэнчжэнь был его божеством. Тем чистым, недостижимым идеалом, который Ци Хэли хранил в самой глубине души. Он даже мысленно имя его произносил со священным трепетом, боясь осквернить его грубым словом. И вдруг какая-то жалкая дворовая девка смешивает его святыню с грязью! Кровь закипела в жилах, волна дикой, слепой ярости захлестнула разум. Ему хотелось прямо сейчас вырвать этой мерзавке язык, содрать с неё кожу живьём, искромсать на куски, лишь бы смыть это неслыханное оскорбление.

Яньчжи, до того беззаботно наблюдавшая за перебранкой, похолодела от ужаса. Шуйфэнь уже не сопротивлялась: лицо её посинело, глаза закатились, а изо рта вывалился распухший язык. Поняв, что дело пахнет убийством, Яньчжи с криком бросилась вперед, обхватила второго молодого господина за пояс и изо всех сил потянула назад.

— Господин! Пощадите, задушите ведь! — истошно завопила она. — Отпустите её, беда будет!

Ослеплённый гневом юноша ничего не слышал. Поняв, что её хлипких девичьих сил не хватит, чтобы совладать с обезумевшим подростком, Яньчжи выскочила на порог и кликнула подмогу. В комнату гурьбой ворвались четверо слуг. С трудом, тяжело отдуваясь, они сумели оттащить Ци Хэли от хрипящей девки. Шуйфэнь судорожно дернулась, издала утробный звук и без чувств повалилась на пол.

Её спешно утащили. Ци Хэли остался стоять посреди разгромленной комнаты, его руки мелко дрожали, а грудь высоко вздымалась. В этот момент в покои вбежала наложница Чжоу. Не говоря ни слова, она с размаху отвесила сыну хлёсткую затрещину.

— Да за какие грехи мне в этой жизни достался такой выродок?! — упершись руками в бока, запричитала женщина. Слёзы брызнули из её глаз. — Только и умеешь, что беду навлекать! Чем она тебе не угодила, что ты её чуть на тот свет не отправил? Если госпожа прознает, нам обоим несдобровать!

Ци Хэли лишь упрямо стиснул зубы. Разве мог он осквернить слух матери той грязью, что несла прислужница?

«Пусть бы сдохли все, кто слышал эти омерзительные речи. И я вместе с ними. Оказаться бы сейчас в подземном царстве у Владыки Ямы, вымолить новые уши, что никогда не слышали скверны, лишь бы не порочить светлое имя Мэнчжэня...»

Он молчал как рыба, а испуганная Яньчжи лишь бледнела и лепетала нечто невнятное. Растерянная наложница Чжоу так ничего от них и не добилась. Когда же пришла в себя Шуйфэнь, расспросы тоже ни к чему не привели: девка испугалась до полусмерти, лишь безутешно рыдала да сипела растерзанным горлом, не в силах вымолвить ни слова.

Пока Ци Хэли сидел под замком в своих покоях, усадьба гудела как растревоженный улей. Туда-сюда сновали слуги, то и дело приезжал лекарь. Стало ясно, что стряслась беда, а поскольку правды никто не знал, досужие языки быстро разнесли по углам самые невероятные небылицы.

— Да я своими глазами видела! Второй молодой господин повалил эту Шуйфэнь на сундук да подмял под себя...

— Да ну, скажешь тоже! Мал он ещё для таких утех, откуда ему знать, что к чему?

— Ишь, мал! Кровь-то молодая, заиграла, бабьего тела захотелось! Люди сказывают, туда человек десять ворвалось, а он в девку вцепился — не оторвёшь!

— Шуйфэнь-то как голосила, сердешная! А молодой барин ей орёт: «Как смеешь противиться?!»

Ты девка моей матери, захочу — прямо тут уложу, и никто мне не указ!»

Когда слухи докатились до ушей старого господина Ци, история раздулась до невообразимых масштабов: будто бы второй молодой господин силой принуждал к блуду служанку собственной матери, а когда та воспротивилась, в ярости едва не задушил несчастную.

— Выродок! Мерзавец! — задыхаясь от гнева, министр Ци лично схватил плеть и ворвался во двор наложницы Чжоу.

По его приказу Хэли заткнули рот тряпкой и намертво привязали к скамье для порки. Старик трясся от ярости, брызгая слюной:

— Прекрасно! Вырос сынок на мою голову! Ещё вчера учитель из домашней школы хвалил твои успехи, я наградить тебя думал! А ты, негодник, едва почуяв волю, показал своё истинное нутро! Гнилое семя, навоз, из которого никогда не вырастить приличного человека! Не потерплю такого позора в своём доме! Запорю до смерти прямо здесь, всё равно у меня сыновей хватает, одним больше, одним меньше — невелика потеря!

Вскоре пожаловала и сама госпожа Ци. Её притворно-сочувственный голос так и сочился ядом:

— Господин мой, не изводите себя гневом. В сущности, во всём моя вина — недоглядела. Кто же знал, что наш второй молодой господин так рано войдёт в пору зрелости... Кабы ведала, разве в нашем доме у молодого барина не нашлось бы девок для постели? Зачем же силой чужих служанок брать?

Наложница Чжоу, окончательно лишившись чувств от страха, стояла на коленях в стороне, захлёбываясь слезами. Ей было нестерпимо жаль родного сына, но ещё больше она боялась, что гнев разгневанного супруга обрушится на неё саму.

Ци Хэли не сомневался: отец забьёт его до смерти и не поморщится. Он действительно не дорожил вторым сыном. Будь на то воля министра, он мог бы похоронить и второго, и третьего, и четвёртого — его сердце даже не дрогнуло бы, пока жив старший, Ци Фэнцзю. Лишь первенец был его гордостью, плодом долгих трудов и надежд. Все остальные дети от наложниц оставались для него безликой оравой «щенков» да «щенячьих выводков», в чьих жилах по недоразумению текла его благородная кровь.

«Если я испущу дух прямо сейчас, прольёт ли кто-то обо мне хоть слезу? — тоскливо размышлял он, глядя на исцарапанные ножки скамьи. — Матушка погорюет, а кто ещё? Вспомнит ли обо мне Мэнчжэнь? Будет ли плакать на моей могиле? И если я умру здесь, под ударами плети... зачтётся ли мне это как смерть ради его покоя?»

Свист рассекаемого воздуха предвосхитил удар. Хэли инстинктивно сжался, ожидая невыносимой вспышки боли. Раздался глухой, зловеющий треск разрываемой плоти, но юноша ничего не почувствовал.

В следующую секунду во дворе поднялся крик. Сквозь пелену ужаса донёсся испуганный возглас госпожи Ци. Кто-то тяжело рухнул сверху, закрывая его своим телом, и Хэли ощутил, как на его щеку брызнули тёплые капли крови.

— Отец! Как можно забивать насмерть родного сына, поверив базарным сплетням?! — раздался над ухом знакомый голос.

Снова Ци Фэнцзю. Опять этот безупречный старший брат закрыл его от беды, без раздумий подставив спину под отцовский гнев!

В одно мгновение все те затаённые обиды, жгучая зависть и украденные шёлковые кошель мёртвым грузом легли ему на грудь, перекрывая дыхание. Собственное ничтожество, мелочность и злоба под лучами благородства брата предстали перед ним во всей своей неприглядной наготе — уродливые, скользкие твари, выползшие из тёмного подпола на яркий свет. Ему стало невыносимо, до тошноты стыдно за самого себя.

Глаза юноши застлали жгучие слёзы. Уткнувшись лбом в шершавое дерево скамьи, он беззвучно рыдал, всем сердцем желая провалиться сквозь землю. Ему не хотелось больше быть должником старшего брата.

«Я больше ничего не хочу у него забирать... и оставаться должным не могу»

В эту минуту душу Ци Хэли сдавило леденящее предчувствие: за это спасение судьба непременно потребует плату. И заберёт у него то, что было дороже самой жизни.

<http://bllate.org/book/19598/2002407>